

партия (ЛСДРП), Польская партия социалистов (ППС), партия социалистов-революционеров (ПСР), партия анархистов-коммунистов (А-К), Социал-демократия королевства Польского и Литвы (СДКПил), Бунд, Джубисты, Дашнакцутюн, «Пролетариат». Анализируя партийный состав заключенных можно констатировать, что к числу наиболее многочисленных следует отнести первые пять партий. Среди них лидирующее место на протяжении 1908–1917 гг. занимали каторжане-эсеры. Их численность была максимальной в тюрьме в 1912 г. т составляла 108 человек, т.е. 21% от общего числа политкаторжан. Затем шли члены РСДРП (84 человека), А-К (41 человек), ППС (13 человек), ЛСДРП (13 человек).

Статьи осуждения выносились как военными, так и гражданскими судами. Многие политкаторжан были осуждены Военными Судиами (76,9%), Гражданскими Судиами было приговорено немногим более 19%, а в 4% источников не указано каким судом они приговорены к каторжным работам. Из Военных Судов доминировали Военно-Окружные Суды — 42,3%, затем Временные Военные Суды — 28%, лишь небольшой процент выпадает на Военно-Морские и Военно-Полевые Суды. Это, как правило, многочисленные участники вооруженных восстаний 1905–1907 гг., проходивших службу в армии и на военных базах Балтийского и Черного морей, участники аграрных выступлений и пр.

В прямой зависимости от судов и статей осуждения находились и сроки каторжных работ. Военные Суды, как правило, приговаривали к более длительным срокам, чем Гражданские Суды. Александровский централ отличался от других тюрем еще и тем, что здесь был велик процент осужденных на бессрочную каторгу. Только в марте 1917 г., по амнистии, свободу получили 79 политических-бессрочников.

Таким образом, исследовательская работа по вопросам численности и состава политических каторжан Александровского централа сопряжена с определенными трудностями, исправить которые не представляется возможным. Конечно, с открытием новых, ранее не известных источников появится возможность дать более объективное представление по обозначенным выше вопросам. Однако тот материал, который собран, обработан и проанализирован, является новой страницей в истории Александровской каторги.

Н. Ф. ВАСИЛЬЕВА

ПОЛИТИЧЕСКИЕ КАТОРЖАНЕ НА ПРИИСКАХ И ПРОМЫСЛАХ НЕРЧИНСКОГО ОКРУГА (ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ПО МЕМУАРНОМУ КОМПЛЕКСУ)

Богатый мемуарный комплекс, опубликованный Всесоюзным Обществом политкаторжан, содержит сведения о жизни и быте политических каторжан на золотых приисках и промыслах Нерчинского округа, куда в

последние годы перед революцией политических направляли наравне с уголовными.

«Пробелы» о жизни, быте и нравах, царивших на золотых приисках и промыслах Нерчинского округа последних лет перед революцией: Шаманке, Новотроицких, Казаковских приисках и Нижне-Борзинских золотых промыслах нашли отражение в сборнике «Нерчинская каторга». В поле зрения мемуаристов оказались разнообразные проблемы.

В большей мере авторы нарисовали сюжеты о трудностях работы на приисках и промыслах. Во время Первой мировой войны в 1914–1917 гг. «политикам» пришлось трудиться на горных разработках по добыче золота для «кабинета его величества» наравне с уголовными. Авторы подчеркивали, что работа была тяжелой: «Вырабатывать приходилось 3 куба торфа или два с половиной куба песков на 5 человек. Это был обязательный урок, и это была большая работа. Мы приходили приблизительно в 3 с половиной часа (утра) ... Бывало так, что уходили обратно часов в 7 вечера» (Губельман М. Шаманка // Нерчинская каторга: Сб. Нерчинского землячества. М., 1933. С. 182). На Казаковских приисках был заведен такой порядок, кто не выполнил урочной работы, того лишали усиленного питания и переводили на шахты в тюрьму или отсылали в централ (Ерохов А. Казаковские прииски в период войны // Там же. С. 210). Выполнение «урока», отмечали авторы, во многом зависело от навыка, физической силы и главным образом от «породы», из которой состоял «забой». Ослабленные физически после многолетнего сидения в душных камерах, каторжане после непосильной работы болели. «Руки ломило, как будто из них вытягивали жилы... Со стоном люди ворочаются на нарах, засыпая, вскрикивают и снова стонут» (Стародубцев И. На Нижней Борзе // Там же. С. 214). Тяжелые условия работы способствовали болезням: «Колчеданный дым действовал. На четвертый день я в буквальном смысле ничего не видел: глаза горели, слезы непрерывно катились, и будто кто-то тер глазные яблоки жесткой, твердой щетиной, болела голова» (Васильев П. Новотроицкие золотые промыслы // Там же. С. 199). М. Губельман отмечал, что лечения почти никакого не было, основным лекарством были касторка, глауберова соль и хина.

Особое внимание авторы обратили на бытовые проблемы. Мемуаристы отмечали, что, не смотря на улучшенное питание, чем в тюрьме, при тяжелой физической нагрузке питание было все-таки не удовлетворительным. На некоторых приисках был заведен порядок «выписки» продуктов, который составлял 10% от заработка. Остальные заработанные деньги отчислялись на питание (40%), в казну (40%), на «выход» — 10%. Например, на Шаманских приисках на выписку продуктов приходилось 8 р. 80 к. Продукты: молоко, яйца, масло, шанги на прииски в разрез приносили женщины из деревень. Фунт масла стоил 30–35 к., четверть молока — 10–15 к., колбаса — 20 к. за фунт (Губельман М. Указ. соч. С. 184). Как относилось местное население к работающим заключенным? М. Губельман

отмечал, что «в общем, неплохо, потому что оно было заинтересовано материально». Торговцы открывали даже кредит уголовным, причем случаев «надувательства» со стороны последних не было». «Приличное» питание и возможность дышать свежим воздухом некоторым каторжанам давали возможность выжить и сохранить способность к труду.

Особое внимание мемуаристы обратили на взаимоотношения каторжан с администрациями приисков, тюремщиками и описание их портретов. Авторы не пытаются представить всех тюремщиков только мучителями и извергами. По их мнению, они представляли две разные группы. Одни благоволили к политическим каторжанам, другие, следовали жестким инструкциям, применяли грубости, побои и репрессии. Например, П. Васильев с теплотой вспоминал смотрителя шахты С.Я. Фрида: «Если когда-либо, где-либо случайно попадутся эти строки Фриду, пусть они будут ему теплым приветом в благодарность за все, что он сделал для нас там, в той гиблой человеческой яме...» (Васильев П. Указ.соч. С. 202). С.Я. Фрид имел к революционному движению «какое-то отношение», был хорошо образованным человеком, «в моральном отношении он был светлой точкой в окружающей тьме». Через С.Я. Фрида заключенные выписывали газеты, журналы и даже получали нелегальную литературу. М. Губельман отметил некоторую лояльность начальника тюрьмы Шаманских приисков Шестакова: «Я бы не сказал, что Шестаков был жестоким; это была, по-моему, слабавольный офицер, который хотел играть роль человека хотя и преданного самодержавию, но «по-джентельменски» относившегося к идейным противникам. В течение трех лет Шестаков ни разу не позволил себе по отношению к политическим грубости» (Губельман М. Указ.соч. С. 191). Инженер Шаманских приисков Данилин, по мнению М. Губельмана «очень хорошо относился к нам». А. Ерохов с положительной стороны характеризовал помощника тюрьмы Казаковских приисков Снежкова: «Снежков был приличный человек, семья его состояла из двух дочерей и жены. Они много способствовали нам, помогали в организации наших предприятий. Мы стали больше пользоваться вольностями». (Ерохов А. Указ.соч. С. 208). Противоположный портрет тюремщика — самодура, начальника конвойной команды, исполняющего обязанности начальника тюрьмы при Новотроицких промыслах, подпоручика Козина нарисовал П. Васильев: «Это был тип уездного «Наполеона»... С горя пил, от разочарований бил жену, а для самозабвения порол арестантов, благо запрета в этом никакого не было» (Васильев П. Указ. соч. С. 197). Сменил его новый начальник, который был полной противоположностью: «Старый, тупой, разбитый подагрой, пробившийся в «люди» из ротных писарей, ленивый, жадный до денег и невероятно боявшийся начальства» (Там же. С. 203). Под стать высшему начальству были грубыми и жестокими более мелкие тюремщики. Например, помощник начальника тюрьмы Казаковских приисков Гарин: «... был противный и очень глупый чиновник.... Гарин очень часто применял порку..., Иногда

он приказывал избивать заключенных, но это касалось большей частью уголовных» (Там же. С. 206–207).

В мемуарном комплексе представлена еще одна проблема: состав каторжан-работников приисков и промыслов. До 1914 г. на Шаманку политических вообще не посылали, делали очень небольшие исключения только для стодесятников (осужденных по 110 статье Свода военных постановлений). Однако недостаток рабочей силы заставил администрацию пересмотреть этот вопрос. Тем не менее, политических было не много — среди 200 каторжан только четыре человека были политическими. (Губельман М. Указ.соч. С. 181). На Новотроицких промыслах в вольной команде, отметил П. Васильев, были политики, но неоднородного состава: А. Агеев — рабочий, большевик; П. Поляков — с-р.; Голованчиков — «сомнительный политик, причислявший себя к анархистам»; М. Ратенек — латыш, «лесной брат»; Савельев — матрос-балтиец и Карл Шимкевич, выдавший революционной организации взрывчатые вещества из военно-морской лаборатории. (Васильев П. Указ. соч. С. 201). Автор заметил, что «общего между собой товарищи ничего не имели. Не было и намека на коллектив. Каждый дул в свою дудку».

Авторы мемуаров уделили внимание взаимоотношению разных категорий каторжных: политических, уголовных, солдат, военных и рабочих, осужденных по разным статьям. Уголовные представляли две группы, одна воры, другая — кучка «иванов», «кобылка» — рецидивистов уголовного мира, которая держала в страхе всех каторжан. П. Васильев отметил, что Казаково было царством «иванов», а соседний Новотроицк — солдатской республикой. Солдаты были осуждены «по всяким поводам», в основном по 110 статье. «Враждовали они между собой смертельно, в буквальном смысле слова». Если «забывали» солдат в Казакове, то солдаты в Новотроицке отвечали тем же «иванам». Вражду между этими группами каторжных молчаливо санкционировало начальство, которое использовало это обстоятельство как инструмент устрашения. В старой тюрьме Казаковских приисков не было строгого деления на политиков и уголовных: часть «иванов» сидела во втором корпусе вместе с солдатами, военными и рабочими. Однако в 1909 г. разгорелась борьба между уголовными и военными. Промысловая администрация стала настаивать, чтобы политических и военных отделили от уголовных, так как «товарищи» работали хорошо, уголовные же портили шахты и «хищничали золото». Взаимоотношения политических и уголовных в конкретных случаях были разными. М. Губельман отметил, что с первых же дней было очень заметно, что уголовные относились к политическим с большим уважением, обращались по всем вопросам за советом, разъяснениями, политические помогали писать заявления; так было до прибытия новой партии уголовных. После прибытия новой партии уголовных — «головка» предприняла нападение на политических, которая «окончилась печально для нападавших», причём «иваны» потеряли авторитет» (Губельман М. Указ. соч. С. 187). Автор

попытался сделать некоторые обобщения — «несмотря на все разговоры, относительно той борьбы, которая была на Казаковских, Новотроицких приисках и в Зерентуйской тюрьме, во всех тюрьмах авторитет политических у огромного большинства уголовных был очень высок. Уголовные чрезвычайно ценили организованность политических, их сознательность и идейность. Только террор «иванов» не давал возможности уголовным покончить с ними и держал их в кабале» (Там же. С. 188).

Мемуаристы затронули вопрос об удовлетворении духовных потребностей каторжан. П. Васильев отметил, что на Новотроицких приисках перед концом срока он принимал участие в спектаклях местных любителей и как актер, и как режиссер. Через редакцию «Русское Богатство» он получил 150 р. для местных политических, на которые кроме провизии были куплены книги. На Казаковских приисках политические выписывали «Биржевые Ведомости», «День», разные журналы. Газеты получали через промысловую администрацию: политкаторжане давали деньги, а администрация выписывала газеты на свое имя. На приисках был организован хор, струнный оркестр и драмкружок. В Шаманке отсутствовала библиотека, однако книги каторжане ухитрялись «доставать» через надзирателей, нарядчиков, инженеров и местное население, поэтому в камерах можно было обнаружить 20–30 книг. М. Губельман отметил, что, несмотря на чрезвычайно большую усталость, очень многие читали и притом очень поздно. Надзиратель, заметив, разгонял, но это не помогало. Читали больше всего различные похождения и книжки приключенческого характера.

Таким образом, «первоначально-мемуарное» накопление материалов по истории каторги политических репрессированных, которому в Обществе придавалось особое значение, позволило познакомиться с деятельностью «политиков» на приисках Нерчинского горного округа и оценить их вклад в хозяйственное освоение Сибирского региона, выяснить, как боролись политические каторжане с царской системой за человеческое существование в местах лишения свободы.

Н.В. ГОНИНА

УРБАНИЗАЦИЯ СОВЕТСКОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX в. В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Во второй половине XX в. происходило форсированное промышленное освоение Сибири, следствием которого стал бурный рост городов и городского населения. Ежегодно в города Сибири прибывало около 500 тыс. человек (Малинин Е.Д., Ушаков А.К. Население Сибири. М., 1976. С. 78). В результате к 1989 г. в сибирских городах и рабочих поселках городского типа проживало 72,5% населения (Пивоваров Ю.Л. Современная урбанизация. Курс лекций. М., 1994. С. 104). По нашему мнению,